

* * *

Листва не может уберечь
Всепроникающую влагу,
Ты падаешь, как имярьчъ,
На камень-дерево-бумагу.
Земля смеётся над тобой:
– Смотри под ноги, человечек,
Ты отвечаешь головой
За всё, в чём был увековечен.

* * *

Сиди во тьме, чужую слабость
Целуя в спину.
Когда-то смертью называлась
Сия картина.
Стакан пустой, и обелиска
Бутыль пустая,
Глаза, посаженные близко,
Не прорастают.
А над тобой телец и овен.
Тепло и сыро.
И, раз твой мир лежит спокоен,
Покойся с миром.

* * *

Через стены с фасеточным зрением,
Сквозь глазницы моей тишины,
Я услышал, как стрелки во времени,
Словно в зеркале, отражены.

Как, нашедшийся в том отражении,
Шёпот книжных стоит корешков,
Как двужильным пером напряжения
Серый шум мне щекочет ушко,
Как спираль лакированных раковин
Наполняет пространство квартир,
Как картавит, прогоркло и драпово,
Вылетающий в воздух эфир.

* * *

Дождь идёт от тебя к реке,
И от реки – к мосту.
Бог отрекается, в молоке
Топит свою тоску.

Рыбы метят игру в слова,
Небо лежит на дне.
Дождь идёт через рукава
И по рукам – ко мне.

Тишина над рекой течёт,
Только молчит, куда.
Радужка прячет в себе зрачок,
Чёрная, как вода.

* * *

Слово начнётся со слова,
Т.е. с себя самого.
Что на бумаге не ново,
То для меня не ново.
Спит у порога тревога,
Словно живая коса,
Видно за то, что я Бога
С маленькой буквы писал.

* * *

Остывшая гортань строки.
Прерывистые рыбы крики
И металлические блики
На церебральности реки.

В молчанье, гулком и пустом,
По тонкошеему каналу
Бумажный ледакол Урала
Плывёт и тонет под мостом.

По високосному лицу
Проходит тень дугой железной,
И палец ввинчивает бездну
В висок, соосный близнецу.

* * *

Рядом с колодцем качая убогим плечом,
Тихий журавль находит песок и печаль.
Он говорил с тобой, только, видать, ни о чём
Ты говорить не хотел. Просто в воду молчал.

Дерево станется птицей, домой улетит,
Возле колодца змеёй обернётся трава.
Кто тебя вёл за поводья, в тебя промолчит.
Камо грядеши, воловья твоя голова?

* * *

На горький город падают снега,
И гаснет рот, и тьма терзает связки,
Как умница в смирительной коляске,
Смиряет голос. Нега не нага,
Но столь же вожденна, сколь строга.
Подол дерев провалится под лёд,
Укутаются сумерки в утробу,
И небо, засыпая, обретёт
Размер и цвет младенческого нёба.